

Алина Иохвидова

Израильские зарисовки

18+

Алина Иохвидова
Израильские зарисовки

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Иохвидова А.

Израильские зарисовки / А. Иохвидова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Жизнь одного семейства в Израиле на волне Большой алии. 1992-1995 годы

Содержание

Израильские зарисовки	5
Первые шаги по Святой Земле	12
Его Величество Компьютер	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алина Иохвидова

Израильские зарисовки

Израильские зарисовки

*Коль в груди у нас ещё трепещет
Сердце при мысли о Родине своей,
И у врат Востока блещет
Взор, обращённый с надеждой к ней,
Знай, жива, жива ещё надежда,
Не погибла ты в сердце моём, —
Жить свободным народом, как прежде,
В той земле, что зовется Сион.*

Нафтали Герц Имбер, «А Тиква»

(«Надежда», гимн государства Израиль, перевод мой – А.И.)

– *Это Израиль, детка! (Из блога)*

– *Мама, пообещай, что ты об этом не будешь писать рассказ.*

– *О чём это?*

– *О том, как вы с папой в квартире новые унитазы поставили, а старые выбросили.*

– *Клянусь!*

(Из разговора с дочкой)

Дав такую торжественную клятву, я вынуждена её держать. А жаль – эта история тоже увлекательна и поучительна. Главное, я ни о чём таком и не собиралась писать, но, как только дала клятву, тут же мне невыносимо захотелось воплотить происшествие в рассказ. Однако ничего не поделаешь, приходится писать о другом. Хотя, все же порой и заносит на привычную тематику. Ибо из песни слова не выкинешь.

Но обратимся к нашей главной теме.

Столько уже всего написано об этом «великом переселении» одного народа. Конечно, того самого, маленького, но гордого. Который «вдарился бечь» из разваливающегося или уже развалившегося Союза Советских Социалистических Республик. Разумеется, в Израиль, поскольку особенного выбора не было. Несмотря на очень схожую схему побега, у каждой семьи, у каждого человека этот исторический процесс протекал индивидуально, поэтому хочется вспомнить всё, что в ту пору происходило, пока это окончательно не стерлось из памяти.

Почти все имена собственные, кроме кличек животных, изменены.

Анахну по

– мы уже здесь, или

Welcome to Israel

У Стены Плача. Иерусалим, 1992 г.

Девяносто второй год, лето... Жара и духота Тель-Авива... Наш самолет прибыл в аэропорт им. Бен-Гуриона на рассвете, мы практически не спали всю ночь, так как вылет задерживался. В памяти остались какие-то тяжёлые картины: вот улетает средних лет женщина с парализованной матерью. Та лежит на раскладушке, не может руки поднять. Боже мой, куда они летят, на что надеются? Может быть, думают, что израильские врачи совершат чудо, и мать поднимется на ноги? Хотелось бы верить в такое, но как-то трудно... Да и сами-то мы, на что надеемся? Ведь получали уже много писем с не очень обнадеживающей информацией: работу найти трудно, особенно по специальности, квартиры дорогие (как раз в тот год репатриантов отпустили в «свободное плавание», выдавая какие-то суммы на съём жилья у частных владельцев, и цены сразу же улетели в небесную высь).

Но мы стараемся не думать о неприятном: «переживайте неприятности в порядке их поступления». В конце концов, мы сохранили российское гражданство и даже квартиру, вернее, ее остатки. Дипломы с нами, книги едут по морю, знания не куплены, здоровье еще пока есть – не пропадём. Да и не совсем на пустое место едем, там родня, знакомые и друзья... Как выяснилось очень скоро, последние соображения и надежды были весьма наивны... Но об этом не хочется вспоминать, вернее, как-нибудь в другой раз. Сейчас просто пытаюсь ухва-

тить обрывки впечатлений, каких-то мимолетных встреч, образов. Почти все имена и фамилии изменены.

Вот мы прошли таможенный и пограничный досмотр, вот перешагнули черту, отделяющую нас от того, что было родиной. Как это дико: было родиной! Нет, что бы ни случилось, она всегда таковой и останется. Хотя это понятие претерпело в нашем сознании очень большие изменения.

В нашей группе репатриантов есть семья, на которую мы обратили внимание еще тогда, когда нас инструктировали в израильском консульстве. Их, как и нас, трое, только у нас дочка, а у них сын, примерно такого же возраста. Внимание привлекло то, что глава семьи все время спрашивал, как перевозить котёнка. Все интересовались, сколько багажа можно взять, сколько золота и денег, а он все о котёнке. Мы его хорошо понимали, хотя нашу Катю мы с собой взять не решились, отдали в «хорошие руки». Все равно, на сердце буквально скребли кошки: как она там, без нас. А вот эти везут котёнка... Жена худенькая, беленькая, большеглазая. Явно русская. Разговорила с каким-то израильтянином, рассказывает, что немного выучила иврит. Что же выучила? «Ани роцЕ лезхоль» – «Я хочу есть». Израильтянин поправляет: «Не роцЕ, а роцА». Я уже знаю, что в иврите женский и мужской род различаются при спряжении глаголов в настоящем времени. Все не как у людей! Но эта женщина молодец! Зрит в корень! Господи, что же с нами будет?

В самолете стало немного веселей. Приходилось слышать много жалоб на обслуживание в самолетах «Эль-Аль». Уж не знаю, то ли нам особенно повезло, то ли израильтяне старались выглядеть получше, но обслуживание было отличное, и кормили вкусно, а это, как известно, самое лучшее успокоительное средство во время перелёта. Развлекал нас также и вышеупомянутый котёнок. Его разрешили взять с собой в салон, а хозяйева окрыли клеточку, чтобы он немного поразмялся. Котёнок не заставил себя просить и начал бегать и скакать по салону. С трудом удалось его отловить и водворить на место. Мы тогда еще не знали, что эта семья будет жить с нами по соседству, сын Саша будет некоторое время ходить в одну школу с нашей дочкой, а потом Татьяна заберет сына и уедет с ним обратно в Пензу, оставив мужа Валю мерзнуть зимой в нетопленной квартире в Тель-Авиве вместе с котёнком. А котёнку Фильке не суждена долгая жизнь: в ту же зиму он погибнет на улице, наверное, от хулиганов-мальчишек. Такая вот история.

Полёт длился всего часа три-четыре, вскоре стало светать, а к Тель-Авиву мы подлетели уже на рассвете. Вот оно, Средиземное море, красные крыши Южного Тель-Авива и Яффо! Ура, мы благополучно приземлились! Нам разрешают покинуть самолёт. Дочка дёргает меня за рукав: смотри, вон дядька запикивает в дорожную сумку самолетный плед. Так и есть, и нимало не смущается, что это видит бортпроводница. Н-да, этот, видимо, тоже не пропадёт. А, может, у него, «крыша поехала» от всего этого «балагана» (на иврите это слово означает примерно то же, что у нас «бардак» в переносном значении).

Итак, мы втроем на «земле предков» (моих, преимущественно), но эта земля пока что свелась для нас к залу ожидания для «олим ходашим», т.е. новых репатриантов. Нас, конечно, встречают не с оркестром, но для детей приготовлены подарки, всякие шоколадки и конфетки. Хочу взять пакетик для дочки, но вдруг сохнутувская дама делает отрицательный жест: вам не положено! Почему? Наверное, из-за того, что наша тринадцатилетняя дочь, довольно долговязая девица, выглядит старше своих лет. Хочу объяснить это даме, но тут уж дочка вцепилась мне в рукав и умоляет не спорить. Ну, ладно, не хочешь – не надо, обойдёмся и без конфет. Только спустя много лет она призналась, что ей было очень обидно. Напрасно я не настояла на своём, ведь такие детские обиды западают в душу надолго. Впрочем, это было только начало, подобных обид накопилось за те без малого три года, что прожили в Израиле, изрядно. И если мы, взрослые, ко многому относились спокойно, с пониманием (в самом деле, «автобус не резиновый», всем тяжело, почему нам должно быть легче), то ребёнку многое очень трудно

было объяснить. Так она там и не прижилась. И даже сейчас, когда рассматриваю фотографии тех лет, вижу, что ни на одном из снимков она не улыбается. Как будто ей стянуло лицо какой-то маской. Другие дети быстро привыкли к новой жизни, залопотали на иврите, а она долго вообще молчала, почти не говорила. А в первый же день, когда, наконец, родственники привезли нас в свою квартиру, она разрыдалась и произнесла, чуть не впервые после долгого молчания, слова, от которых мне стало совсем нехорошо: «Куда ты нас завезла?»

Но вернёмся в зал, где мы сидим в ожидании оформления необходимых документов. Чтобы не терять время зря, идём в туалет и с удовольствием обнаруживаем, что там очень чисто и есть теплая вода, салфетки и прочие удобства. Можно спокойно умыться и почистить зубы. Когда возвращаемся, видим, что для прибывших готовы вкусные бутерброды с разными овощными салатиками и пастами. Брать можно без ограничений, и всё время приносят свежие. Как выяснилось, это было очень даже кстати – просидеть в зале пришлось полдня. Мы пытались дозвониться до родственников, которые должны были нас встретить, но телефон не отвечал. Оказывается, они нас тоже ждали с самого утра в зале ожидания для встречающих и не знали, что с нами. Мобильников тогда ещё не водилось, только через год я впервые увидела это чудо.

Сидели мы, сидели, и вдруг по радио объявили, что все мужчины приглашаются на собеседование, которое должно происходить в помещении за ширмой. Странно! О чем могут «собеседовать» непременно с мужчинами? Мелькнула мысль, которая сперва показалась дикой, но потом все же вырисовалась более четко: уж не будут ли всех представителей сильного пола уговаривать пройти церемонию обрезания? Да ещё, возможно, прямо в аэропорту, за этой вот ширмочкой, раз уж представился такой удобный случай. Это настолько меня развеселило, что я поделилась моей гипотезой с дочкой. Она была настроена не столь юмористически, посмотрела на меня испуганно – неужели это правда? Нет, она не согласна, чтобы нашего папку «обижали». Я поспешила её успокоить, что это шутка, однако, время шло, а папы нашего что-то не было видно. Шутить уже не хотелось, а вдруг его и впрямь как-то там «обижают». Я тогда еще плохо себе представляла, что для того, чтобы удостоиться подобной чести, «гою» нужно приложить немалые усилия, пройти всяческие испытания и обучение.

Впрочем, забегая вперед, скажу, что в каком-то смысле процедуре обрезания мужа подвергли. Вот как это получилось. Фамилия у Вали польская, доставшаяся от далеких предков, – Воевудский. На родине ее если искажали, то, чаще всего, употребляя русифицированный вариант Воеводский. А вот в Израиле сразу же начались проблемы посерьезней. В ивритской транскрипции она стала визуально восприниматься, как частокол из четырёх палочек с одним апострофом посередине (вав-вав-йуд-вав-вав-далет). Далее следовало написание суффикса «ски», что уже было проще. Но понять, как читать начало фамилии, было в самом деле трудно, даже порой невозможно. Однако никакого другого написания для нас не припасли, да поначалу мы и не осознавали всех этих неудобств. А когда осознали, то уже получили канадские визы, так что особенно горевать по этому поводу не пришлось. Но вот мужа направили на какие-то трёхдневные курсы для программистов, по окончании которых ему выдали диплом. Разумеется, он был написан на иврите. С чтением у нас всегда была «напряжёнка», поэтому Валя не стал даже присматриваться, что там написано. Дал мне, чтобы я присоединила его к остальным бумажкам. Но мне вдруг захотелось поупражняться в чтении, и я постаралась прочитать текст сертификата. И вдруг заметила, что фамилия-то мужа написана не полностью! Две первые буквы попросту выкинули, решив, вероятно, что они приписаны по ошибке. В результате получилась вполне еврейская фамилия Юдский. Таким образом, его «обрезали», и он теперь может честно говорить, что еврей.

Но вернёмся в аэропорт. Наконец, муж появился из-за ширмы, вполне здоровый и невредимый, а на мои расспросы о цели «собеседования» отвечал как-то невнятно и с загадочной улыбкой. Так я ничего и не поняла в тот день, загадка разрешилась лишь спустя несколько недель, но не хочу говорить, как именно, так как с него взяли устное обещание о неразглаше-

нии. Скажу лишь, что так и не уразумела, почему для этого приглашались только мужчины – ведь прекрасная половина вполне могла бы выполнять подобные задания тоже, если бы совесть позволила. И речь шла не о сексуальных услугах.

Время, однако, бежит, уже скоро полдень, а о нас вроде как забыли. Не вызывают, и всё тут. Съедено уже немало бутербродов, хочется спать, но в такой обстановке заснуть трудно. Наконец, доходит очередь и до нас, наши документы – «теудат-оле» (удостоверение новых репатриантов) и внутренние паспорта («теудот-зеут») готовы. На них красуются наши рожи, похожие на физиономии беглых каторжников. «Если ваше отражение в зеркале стало похоже на фотографию в вашем паспорте, значит, вам пора идти в отпуск». Правда, похоже, что отпуск нам уже предоставлен, и не очень понятно, когда мы от этого приятного отдыха сможем избавиться. Но эти мысли нужно гнать решительно прочь. А пока что – ап! И у нас в руках пачка денег, да еще и чек на довольно большую сумму. Конечно, мы понятия не имеем, насколько велика или, наоборот, мала эта сумма при нынешнем уровне цен. Но все равно, приятно. А то ведь мы с собой с трудом привезли двести пятьдесят долларов, больше на тот момент не разрешалось. О том, с какими трудностями удалось выцарапать даже эти гроши, расскажу, опять-таки, в другой раз. А то, как нам передали другую, более крупную сумму, через арабов из сектора Газы – это уже почти детективная история, и, если бы службы «ШАБАКА» узнали о подобных демаршах новоприбывших, нам бы пришлось с ними разбираться долго и без всякого удовольствия. Впрочем, ничего противозаконного мы не совершали, деньги эти были нам вручены за нашу же квартиру, просто по существовавшему на тот момент положению об отъезжающих за границу на ПМЖ нам нельзя было вывозить из России больше мизерной квоты в 100 долларов на взрослого и 50 долларов на ребенка. Не прошло и месяца, как эти квоты выросли в десятки раз. И, как знать, может быть, в банках к тому моменту уже появились и реальные доллары, обеспечивающие эти новые квоты? Но это мы уже вряд ли когда-нибудь узнаем. И вот, в такой аховой ситуации нас выручили арабские студенты, учившиеся в городе В. Один из них взял наши деньги, а также некоторую мзду за их переправку, и сообщил своим родичам из Газы, чтобы они нам такую же сумму передали лично, когда будем в Израиле. Представьте себе, что они так и сделали, правда, для этого нам пришлось поехать в другой город (не Газу), где работал этот родственник. Солнце в тот день палило неимоверно, воду, взятую с собой, мы всю выпили, и мне вдруг стало, как сейчас говорят, реально плохо. В этот момент к водонапорной башне при въезде в городок подкатил микроавтобус, из которого вывалили арабские рабочие из Газы, имеющие пропуск на работу. Увидев, что женщине плохо, один из них тут же отдал мне свою воду. Прямо сцена, как в «Земле людей» Антуана де Сент-Экзюпери! И в самом деле, я не забуду этой воды, такое не забывается....

А пока мы всё ещё в аэропорту и никак не кончим с оформлением бумаг. Наконец, все формальности позади. Мы можем выйти из здания аэропорта, получить багаж. Поскольку мы оказались едва ли не последними, прошедшими процедуру натурализации в то утро, багаж нам привезли сразу же. От одной из сумок, которую крепко приложили к асфальту грузчики, потянуло нежным запахом спирта. Ну, конечно же, «кокнули» бутылку водки, которую мы везли родственникам в подарок! Они нас так и попросили: привезите, мол, водки, кусок хорошего копченого сала, буханку черного хлеба и толстый гранёный стакан. Вот это ностальгия так ностальгия! Впрочем, с салом и хлебом номер не прошел, так как продукты везти с собой запретили. Поиски стакана в магазинах тоже ни к чему не привели. А вот бутылку водки, бутылку коньяка и конфеты мы с собой захватили. И вот их разбили прямо у нас на глазах! (Как потом выяснилось, коньяк все же уцелел, а вот конфеты в коробке ухитрились разбиться тоже, и при этом ликер из них вытек; разбили также и красивый кувшин из чешского стекла, который я специально не положила в контейнер, а привезла с собой. Однако, «плач о багаже» достоин отдельной главы).

И вот, наконец-то, мы на свободе! Выходим из помещения с кондиционером на волю и чувствуем себя так, будто попали в печь, где пекут хлеб. Во всяком случае, дыхание перехватывает. Мы ведь прилетели 1-го июля, в самую жару.

Родственники только недавно приобрели в кредит новенькую «Даяцу», с гордостью нам её показывают. В самом деле, красивая машина, благородного вишневого цвета. Но, главное, раз есть деньги на покупку такой красавицы, значит, дела у двоюродной сестры и её мужа не так плохи. Мы тогда ещё не знали, что такое покупки в кредит, да ещё под такие проценты, какие тогда брали в израильских банках. Впрочем, узнать пришлось, и довольно быстро. И в полной мере понять смысл русского выражения «попасть в кабалу» (кабала – долговая расписка на иврите). Пока же мы простодушно хлопаем ушами, слушая рассказы родичей о местных делах и нравах.

Мы едем по широкому хайвею, ведущему из аэропорта в Тель-Авив. По сторонам дороги растут пальмы (настоящие, не в кадках каких-нибудь), на них уже гроздьями висят финики. Буйно растут олеандры, и тоже «настоящие», фикусы ростом с хорошие дубы... Удивительно! Говорю себе, что, как бы там ни сложилось дальше, можно считать, что мы совершили бесплатную экскурсию в экзотическую страну. Не понравится – вернемся домой. Эта мысль меня поддерживала в первые недели жизни в Израиле. Пока я однажды не высказала её мужу. К тому времени вполне обрисовалась обстановка и наметились неутешительные перспективы дальнейшего выживания. Но он сразу же отнёс даже такое предположение. «Возвращаться, с позором? Ни за что на свете!» Он был прав, и надо было терпеть и надеяться на свою счастливую звезду. Верней, на нашу общую.

А звезды над Тель-Авивом светят большие. Но не такие яркие, как в пустыне Негев. Таких сияющих созвездий мне видеть не доводилось. Наверное, это оттого, что мы почти в тропиках, и ночи в Израиле очень тёмные, как и в городе Сочи.

Надо мною в темно-синем небе
Крупные скопления ярких звезд.
Вот передо мной пустыня Негев –
Душ умерших призрачный погост.

Никуда отсюда не поеду,
Оттого, что горек белый свет,
Оттого, что русскому поэту
На земных путях приюта нет.
Юрий Иофе, Димона

(Пишу по памяти, так как единственная тоненькая книжечка стихов этого замечательного русского поэта, заброшенного судьбой в нашу Димону, попала мне однажды в торонтской библиотеке, а потом я уже не смогла найти этих стихов нигде, в том числе и на интернете).

А вот днём и вечером я чувствую, что чего-то в этом небе не хватает. Ну, не мух, конечно... Хотя я не помню, чтоб мухи нас особенно донимали. И это странно, потому что улицы, особенно здесь, в Яффо, чистотой не отличаются. Правда, вскоре выяснилось, что сейчас идет забастовка уборщиков мусора (они любят бастовать в самую жару), так что обычно все же бывает почище. Так чего же, собственно? Ах, да, конечно, в небе пусто, не слышно писка ласточек, не стригут они воздух над крышами домов, над минаретами и церквами Яффо. Всё понятно, их просто сейчас здесь и нет, они в России, на (в) Украине – то есть, дома. А вот у нас теперь своего дома нет, и когда он еще будет? Ладно, не стоит разводить нюни, нужно как-то привыкать к новой обстановке.

Все последующие дни не очень отчётливо сохранились в памяти, осталось какое-то мелькание кадров, иногда очень четких, а иногда размытых. Походы по многочисленным офисам и

министерствам, постановка на какие-то учёты, открытие счета в банке, обучение пользованию банкоматами (каспоматами на иврите), подтверждение дипломов и так далее, до бесконечности.

По вечерам мы гуляем по набережным, родственники нас повели также в Старый город, где высится древняя крепость (там Наполеон пожимал руки чумным солдатам). Там очень красиво и живописно, полно лавочек с украшениями из драгоценных и поделочных камней. Вообще, ювелирные лавки здесь на каждом шагу, такого количества украшений я никогда не видела. Но... видит око, да зуб неймёт. Да и не до украшений сейчас нам, не до жиру.

Первые шаги по Святой Земле

Один из первых шагов в Израиле – приступить к изучению иврита. Конечно, здесь многие говорят по-английски, и наших знаний на первых порах хватает для адекватного общения. Но так долго не протянешь, иврит выучить придётся, к тому же, это интересно, ведь совсем новый строй языка.

Нас, взрослых, записали в один ульпан (языковые курсы), а дочку в другой, летний ульпан для детей. У детей, кстати, есть еще и занятия по математике, английскому и по ТАНАХу (т.е. Торе). Это хорошо, не слишком отстанет от других сверстников. Этот ульпан находится в центре Тель-Авива, далеко от нашего дома. Дочку пришлось туда возить на автобусе с пересадками (там нет системы единой платы за проезд с пересадкой, за каждый автобус нужно платить отдельно), потом она начала ездить сама, а я стала забирать её по возвращении с конечной остановки первого автобуса. А уж дальше мы по жаре топали пешком по набережным. Чтобы как-то скрасить этот тяжкий маршрут, мы шли прямо к морю и сидели на камнях минут двадцать-тридцать. Там можно было хоть глоток свежего воздуха перехватить. А потом опять марш-бросок по жаре вдоль проспекта (сдерот) Иерушалаим.

Мчат машины, громыхая,
По сдерот Иерушалаим.
Хоть на Иерусалим сдерот,
Да, видно, к храму не ведет.

Мне этот путь казался дорогой в ад. Я не могла привыкнуть к этому грохоту, вою сирен то полицейских машин, то амбулансов (недалеко от нас находился госпиталь). А ночью часто начинала заливаться на разные голоса сигнализация в многочисленных лавочках старого города. То ухала, то кукарекала, то кричала, как кикимора. Наверное, мне это казалось так с непривычки, но нервы это звуковое оформление расшатало изрядно. Ко всему прочему, прямо через дом от нас находилась мечеть, и оттуда каждый час раздавался вопль муэдзина: «Алла-у-акбар!» Впрочем, к этому мы быстро привыкли, и потом, в Димоне, мне этого крика даже не хватало.

Первые дни в Тель-Авиве на пляже. 1992г.

В первый же день, когда дочка одна отправилась в ульпан, где-то далеко раздался страшный взрыв. У меня все оборвалось: все, ребенок пропал! Но сестра сразу же меня успокоила: грохнуло со стороны моря, на Западе, а Ната поехала в центр города. В самом деле, мощный взрыв произошел в районе Герцлии, у моря, но это было не делом рук террористов, а аварией на одном из производств. Я тогда не слишком хорошо соображала, где что находится, да и потом изрядно плутала по городу, тупо ориентируясь на местности.

Однажды, возвращаясь на свой сдерот от набережных, мы перешли дорогу не в том месте, где нужно, и внезапно оказались в настоящем средневековом городе! Переход был очень неожиданным, я даже не поняла, как это все получилось. Как в сказках «Тысячи и одной ночи», вокруг были узкие улочки и переулки, со всех сторон какие-то лавки, где чем только не торговали: и коврами, и медной посудой, и драгоценностями, и разными монетами, продававшими на вес, а порой каким-то старьем и тряпьем. Дочка испугалась, что мы не найдем дороги домой, да и мне было не по себе, хотя и интересно. Чтобы её успокоить, я купила ей мороженое, и это помогло. В конце концов, нам удалось как-то «вырулить» на наш проспект, проходивший параллельно знаменитому «Блошиному рынку», на иврите «Шук а пишпишим». Потом мы частенько туда заглядывали, и даже купили там много чего (там продавалась и новая мебель, стоившая дешевле, чем в других магазинах, и мы этим воспользовались).

Занятия ивритом у Наты продвигались не блестяще. Когда я приехала за ней в первый день, то заглянула в класс, где занятия ещё не кончились. Смотрю, сидит моя девочка, плотно сжав рот в ниточку, а учительница что-то им толкует и после каждой фразы обращается к ней, с нотками раздражения в голосе: «Ната, мевина?» (Ната, ты понимаешь?) Дочка молчит, как партизан на допросе. Мы забеспокоились. Как же она будет в школу ходить, если ничего не понимает и говорить не хочет? К счастью, их училка всё же сделала доброе дело: обратилась за помощью к другой, русскоговорящей учительнице, и та за один час всё объяснила Нате, чего та не могла понять. И не понадобилось для этого устраивать целое представление, как требовалось по методу, исключающему опору на родной язык. Например, учительница («мор^а») для чего-то хватала одной рукой стул, поднимала его за ножку и переворачивала, приговаривая при этом «Ор – хоших» («свет – тьма»). Дочка дома изображала *мору*, вертела стул и повторяла это загадочное «ор – хоших»; получалось уморительно. Это живо напоминало знаменитую фразу из «Ревизора»: «Александр Македонский, конечно, герой, но зачем же стулья ломать?»

Кстати, неприязнь к «училке» дала и положительные результаты: дочка стала её пародировать дома, при этом проговаривая тексты на иврите. Так она лучше усваивала новый материал.

Начали и мы ходить в свой ульпан «Дгания» («Фиалка», названный так в честь первого киббуца в Палестине), находившийся рядом с нашим домом. Нам повезло с учительницей, маленькой, симпатичной и очень энергичной йеменкой Лорой. Поначалу мы взялись за дело с энтузиазмом. Но этому мешали некоторые домашние обстоятельства, а также страшная жара и духота. Конечно, никакого кондиционера ни в ульпане, ни, тем более, дома и в помине не было. Вообще, установить кондиционер в старом доме очень непросто, а в съёмной квартире обычно хозяева не разрешают это делать.

Однажды Лора что-то экспрессивно нам объясняла, но я почувствовала какую-то ужасную слабость, близкую к обмороку. Вдруг Лора посмотрела на меня, на других – и бросилась вон их класса. Через пять минут она вернулась с большим вентилятором на высокой подставке. В классе был уже один вентилятор, но он дул в основном на Лору, а до нас не доставал. Со вторым вентилятором стало полегче, в мозгах прояснилось, и занятия продолжились.

Никогда бы не подумала, что буду так страдать от жары; вроде бы, закалка одесская имела. Но Тель-Авив это вам не Одесса. В этом пришлось быстро убедиться. Хотя по части старых домов, построенных ещё при турецком султани, а то, может, еще и при Соломоне (шучу), Яффо мог бы дать Одессе фору. Но при этом не было и следа той европейской красоты и стиля, что в Одессе. Серые коробки домов, часто настоящие трущобы. В первой нашей съёмной квартире газ привозили в баллонах, которые стояли снаружи, прикованные цепями. Я такого никогда не видывала, разве что на одесских дачах. Немного облегчало положение то, что в Израиле плиты имеют двойное питание: духовка работает на электричестве. Это довольно удобно, так как в случае отсутствия газа можно приготовить что-то и в духовке. А газ может кончиться внезапно, особенно зимой. В старых домах нет центрального отопления, приходится изворачиваться самим, чтобы не замёрзнуть. У нас были всякие обогреватели, с очень низким КПД. Хозяйка квартиры оставила нам газовый обогреватель, который мы как-то включили, не выдержав промозглой температуры. Квартира быстро прогрелась, мы блаженствовали. На ночь всё же агрегат пришлось выключить из соображений не только экономии, но и безопасности. А наутро выяснилось, что не только квартира полностью вымерзла, но и газа не осталось даже на то, чтобы согреть чай. Пришлось срочно бежать в специальную контору, покупать баллоны. Их, правда, часто просто продают на улице, но сколько же мороки! Кстати, когда мы уехали из «второй столицы» в захолустную Димону, там нас немедленно подключили к центральному газоснабжению, так что баллоны забылись, как дурной сон.

Вообще, когда я вспоминаю квартиры в Тель-Авиве, не только нашу, но и всех знакомых, я прихожу в ужас. Как можно жить в таких условиях? Может быть, сейчас многие из друзей

переехали в более новые и благоустроенные дома, купили себе квартиры, но тогда где только они ни ютились! О ценах на жилье я уже говорила. Думаю, что немало было среди нас тех, кто оплакивал свои оставленные в Союзе квартиры. Пусть даже и хрущёвки, но свои, и вполне пригодные для жилья. А у кого были квартиры в новых домах, как наша, тем было вдвойне обидно. Что и говорить, никогда не поверю, что человек может себя чувствовать полноправным гражданином, пока у него нет своего жилья. Снимать квартиру в частном секторе не только дорого, но и унижительно. Наша хозяйка была человеком неплохим, она даже старалась помогать новоприезжим, но все равно, жить в этих условиях было очень и очень неприятно. Каждый месяц Долорес приходила с инспекцией. Уж не знаю, что мы могли испортить в её доме, мебель там была самая древняя, холодильник допотопный. Особого описания достоин был туалет: там не было сливного бачка – то есть, абсолютно! В стене был вентиль, когда его откручивали, из трубы не спеша лилась вода. Эффективность такого устройства была близка к нулю. Нетрудно представить, чего мы только ни придумывали для решения самых насущных проблем. Прошу заметить, что пишу только о сливном бачке в Израиле, а не об унитазах в Канаде.

Один наш знакомый, сокурсник ещё моих родителей, очень пожилой человек, просто не вынес того, что пришлось ему с женой срочно выезжать из квартиры – так решил хозяин. А у старика не выдержало сердце, так что он переехал не в другую квартиру, а прямо на кладбище. Боюсь, что он стал далеко не единственной подобной жертвой идеи сионизма. Одна одесситка из нашего ульпана приехала со своими старыми родителями в Тель-Авив, училась, старалась устроиться на работу, убирала целый год квартиры, а к весне, похоронив отца, они с матерью решили вернуться в Одессу (где у неё теперь не было ни работы, ни квартиры). Я не хочу делать однозначных выводов, может быть, она такая уродилась неудачница, ничего в жизни не смогла нигде добиться. Всё может быть... Но таких, как она, были тысячи и тысячи. Людей, выбитых из колеи, не умеющих приживаться на новом месте. Они верили, что обрели новую родину, по крайней мере, им об этом много говорили. А остались у разбитого корыта. Не хочется повторять истории о профессорах, метущих улицы, но ведь это правда. И о пенсионерах, которые вынуждены были подкармливаться из мусорных баков около овощных лавок, – плата за квартиры съедала все пособия. Неужели это было так необходимо, неужели это принесло много счастья «коренным» жителям страны? Что-то не верится в это. Хотя очень многие смогли неплохо нажиться за счет новоприбывших.

На верблюде в пустыне Негев. Посёлок бедуинов, 1993 г.

Наступила осень, и в первые же дни сентября стало легче дышать. И в квартире уже не было такой жары. Мы ведь ещё не знали, что самым страшным испытанием будет холод в доме зимой.

Мы стали уже лучше ориентироваться в городе, изучили разные маршруты, ходили всюду либо пешком, либо ездили на велосипедах. В автобус садились только в самых крайних случаях. Положительным во всем этом было то, что мы за пару месяцев похудели килограммов на 15 каждый. Только дочка, как была худющей, так и осталась. Старались её подкармливать, особенно фруктами. Каждый день покупали ей мороженое, оно в Израиле очень вкусное. Сами откусывали один кусочек тоже (наши «комиссионные»). Еще в Яффо был кондитерский магазин, хозяин которого продавал вкуснейший шоколад в виде букв и «тоффифи», молочную помадку с шоколадом и орешками. Одна коробочка стоила полтора шекеля, т.е. пятьдесят центов! В Канаде такие коробочки продают втрое дороже. Это было для нас просто спасением: дочка сметала такую коробочку в один присест. Так что она все же не голодала.

Недалеко от могилы Бен-Гуриона. Сдэ-Бокер, 1993г.

Почему-то ей не нравилось делать уроки за столом, хотя таковых у нас имелось целых три: в гостиной журнальный длинный стол, в столовой, отделённой от «салона» раздвижной стеклянной дверью, большой дубовый обеденный и самый наш дорогой «подарок от Сохнута» – маленький, на тонких ножках, с дыркой, прожженной в пластиковом покрытии. Небольшое пояснение. По правилам для репатриантов, которые обычно мебели с собой не везли, на каждую семью полагались кровати на каждого человека, стулья в таком же количестве и один стол. Всё это должно было быть новым и выдаваться на складах. Ко времени нашего приезда практически вся новая мебель уже была распродана «налево», я только у одних знакомых видела пресловутые «сохнутовские» кровати, хотя объявления типа «Продаётся сохнутовская кровать» в русских газетах встречать приходилось. Так что со складов выдавалась (а то и продавалась) мебель, которую старожилы выбрасывали на свалку. Поскольку им было не жалко, то они отдавали такую мебель на склады или же её подбирали и складировали специальные службы – точно не знаю. Вид у неё был убогий, матрасы обычно ободранные, стулья колченогие, а нам вот попался такой прожженный стол. В Канаде, например, можно подобрать на улице б/у мебель в гораздо более приличном состоянии. Однако нелюбовь израильских старожил к приезжим доходила порой до такой степени, что они специально отпиливали ножки у старых стульев, чтобы «не достались врагу» – мы сами это видели! Справедливости ради, скажу, что было много и добрых людей, отдававших вполне еще приличные вещи приезжим, и даже подкармливавших их на первых порах. Нам и такие попадались. Но все же встреча с таким открытым недоброжелательством и откровенным воровством была достаточно болезненной.

Да, так вот, Ната не любила сидеть за столом, а почему-то повадилась ставить настольную лампу (бесплатную, сохнутовскую и новую) на стул и готовить уроки, стоя перед ним на коленях. Актёр Валя Зеленков, тот самый наш попутчик по перелету в Израиль, который вез жену, сына и котёнка Фильку, как-то, придя вечером в гости, посмотрел на неё, подумал и изрек: «Ванька Жуков!» В самом деле, композиция весьма напоминала известную иллюстрацию к чеховскому рассказу. Мы немедленно сочинили текст письма, которое должно было, по идее, адресоваться дедушке Наточки по отцовской линии: «Милый дедушка, Пётр Дмит-

риевич! Забери меня, Бога ради, из этой поганой страны, из проклятого города Тель-Авива! Обижают меня здесь нехристи, заставляют учить свой язык дьявольский...» Ну, и так далее, в том же духе.

Его Величество Компьютер

Но время летело, мы жили в стране уже третий месяц, скоро должна была кончиться «корзина», т.е. пособие для «олим ходашим», а работы всё ещё не было. Можно было бы, как многие, найти какую-то подработку в магазине или убирать квартиры и офисы («никайон»). Но получилось так, что нам передали остатки денег за квартиру, и на них было решено купить компьютер. Вале удалось привезти с собой некоторый «софт», загрузив который, он надеялся выучить новый язык программирования. За это время он успел составить резюме и разослать его в несколько фирм. В целом, это тоже было похоже на письма «на деревню дедушке», но никаких других перспектив у нас к тому моменту не было.

Покупка компьютера на последние наши деньги была большим риском, но он себя оправдал. Первоначально мы надеялись, что сможем заключить контракт с какой-то зарубежной фирмой на выполнение переводов научной и технической литературы. Эту идею нам подсказал профессор Тель-Авивского университета И.Ц. Гохберг, хорошо знавший моего отца. Он же готов был нам дать рекомендацию для этого издательства. К счастью, у нас было необходимое обеспечение для набора не только текста, но и формул. Для начала я перевела на английский одну математическую статью мужа. Он ее набрал на компьютере (я тогда еще не очень хорошо это умела), и мы отправили один экземпляр в издательство, а другой в математический журнал в Амстердам. Скажу сразу, что статью опубликовали, а вот работы в издательстве мы так и не дождались. Впрочем, через полтора года мы получили заказ на перевод одной монографии на английский, выполнили эту работу и «оправдали», таким образом, покупку компьютера. Надо сказать, он нам все время служил верой и правдой. Самым же главным было то, что с его помощью Валя смог выучить новый тогда язык «Си» и мог теперь на интервью честно говорить, что он его знает. Хотя в момент рассылки резюме понятия о нём не имел.

Не забыть, как в первую же ночь после покупки компьютера, после всех этих страхов и колебаний: тратить последние деньги или поберечь «на черный день», – после того, что убедились в том, что он работает, вдруг в мирно спящем доме раздался страшный грохот, звон разбитого стекла, а затем вопли на улице. Первая мысль, пришедшая мне в голову спросонок: разбился или взорвался наш компьютер! Я взвыла, как сотня сирен, окончательно напугав проснувшихся домашних. Как выяснилось, на улице столкнулись в лоб две машины. Причем, непонятно, как им это удалось в такую глухую пору на совершенно пустой улице. Вроде бы, обошлось без особых жертв, но шуму наделали они немало.

В первый год нашего проживания вообще было достаточно спокойно в отношении террористов. Конечно, это по израильским меркам. Ну, воткнул араб из Газы нож в спину своему работодателю в Тель-Авиве. Ну, бегал как-то по улицам Южного Тель-Авива какой-то «герой», размахивал ножом и поранил человек десять – делов-то! Или вот еще какой-то бандит ворвался в школу и зарезал двух детишек – не помогли ни колючая проволока, ни охрана... Что поделаешь, «так мы здесь живем», как говорят местные жители. Настоящие «веселые дела» со взрывами автобусов, с шахидами и прочими изобретениями творческой мысли палестинцев начались позднее, когда мы уже собрались уезжать. Кстати, тогда же мне в голову пришла простая и, как тогда показалось, забавная мысль: а зачем пускать в израильские города арабов с «территорий»? Почему бы не отгородиться от них как-нибудь понадежней, например, стеной? Ведь не такая большая это страна, поменьше Китая, чтобы нельзя было как-то оградить себя от нежелательных гостей. И вот теперь, спустя столько лет, стена и впрямь построена, несмотря на вой протестов со стороны «несчастливых палестинцев», и, представьте себе, «это работает»! Нужно было, наверное, озвучить свою шальную мысль где-нибудь в прямом эфире русской радиостанции РЭКА. А вдруг это ускорило бы процесс? Я, конечно, шучу. Никто бы всерьёз к этому предложению тогда не отнесся, а меня бы, в лучшем случае, высмеяли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.